

Лу Сянь, выслушав слова Шэнь И, с трудом вырвалась домой. Не успела она переступить порог поместья, как из внутреннего двора к ней со всех ног бросилась Цаймо.

— Барышня!

Цаймо бежала, задыхаясь, и так резко затормозила, что едва не растянулась на земле, если бы Лу Сянь её не подхватила.

— Что случилось? Говори медленнее.

— Маркиз... господин маркиз в ярости! Та самая старая ведьма по фамилии Ши... она подала на вас жалобу!

Цин Ши и Цин Юй переглянулись, заметив, как лицо их госпожи мгновенно помрачнело.

— Ха, подала на меня жалобу?

Они зашагали к главному залу, не сбавляя шага.

Цаймо взмолилась:

— Барышня, может, вы пока не пойдете? Дождитесь, пока господин остынет. Госпожа сейчас внутри, пытается его уговорить.

— Если отец мне не верит, зачем тогда вообще спрашивать?

Лу Сянь выросла в семье столь высокого положения, что её буквально носили на руках.

— Госпожа...

Успокоив дыхание, она добавила тише:

— Вы сами выдали её замуж, всё было заверено официальными документами. Выданная замуж дочь — что выплеснутая вода. Как бы она теперь ни жила, она уже человек другой семьи. Вы так просто забрали её оттуда — это ни по совести, ни по закону не годится.

Лу Сянь молчала. В комнате воцарилась жуткая тишина.

— Безобразие! Просто безобразие! — голос маркиза Сюаньпина, казалось, был готов снести крышу.

Лу Сянь толкнула дверь. Стоило ей переступить порог, как на неё обрушился испепеляющий взгляд маркиза.

— ...

Привыкший к военному быту, он действовал грубо: схватил со стола чайную чашку, но, не успев поднести к губам, расплескал половину на руку.

Лу Чжэн с силой сжал подлокотники кресла, так что костяшки пальцев побелели. Он пристально смотрел на Лу Сянь, словно хотел сказать многое, но не мог вымолвить ни слова.

— Я тебе не верю... Или это я тебе не верю, или ты сама не смеешь сказать правду?

— Ой, ну будет вам, хватит, — Юэ-ши не дождалась, пока Лу Чжэн окончательно выйдет из себя, и схватила его за плечи. — Есть о чем поговорить — говорите спокойно, нечего сразу кричать.

Цин Ши прошептала:

— И правда, госпожа, сходите позже, сначала переоденьтесь.

— Назад дороги нет. В тот момент, когда я её оттуда забрала, я и не думала возвращать обратно.

Стоило им собраться уходить, как гнев Лу Чжэна вспыхнул с новой силой:

— Ты её только потакаешь! Ни сказать нельзя, ни отругать! Посмотри на неё — во что она превратилась! Среди ночи заявиться в чужой дом и выкрасть человека? Среди девиц знатных семейств Цзинду такой больше нет! Даже мужчины порой не бывают такими бесшабашными!

Лу Сянь замерла на месте, глядя на узоры на своих туфлях, и ответила ровным тоном:

— Раньше или позже — какая разница.

— Довольно!

Сказав это, он перевел взгляд на дочь. Та опустила глаза, лицо её было напряжено — точь-в-точь как у отца. У Юэ-ши от этого зрелища задержался глаз.

Лу Сянь было всего шестнадцать. Она была своенравной, но перед таким отцом всё же испытывала страх. Её плечи заметно дрогнули, но в глубине души она была уверена в своей правоте. Несмотря на страх, она не опустила головы и прямо посмотрела на Лу Чжэна.

— Ждите снаружи.

— Ты!

Юэ-ши, оказавшись между ними, почувствовала, как раскалывается голова. Слева — суровое лицо мужа, справа — такое же суровое лицо дочери. В таком состоянии нормально поговорить не выйдет. Она заметила, что на рукаве платья Лу Сянь зацепилась золотая нить, и сказала:

— Сначала иди в свою комнату. Иди переодейся.

Юэ-ши поспешно вытерла мужу руку шелковым платком:

— Что ты так кипятишься? Смотри, всё покраснело.

— Ты!

Видимо, благодаря такому характеру супруги жили душа в душу. Семья Лу была влиятельной, но во внутреннем дворе всегда царил порядок: кроме Юэ-ши, законной супруги, других женщин в доме не было.

Юэ-ши была первой женой Лу Чжэна. Её семья не была столь знатной, но происходила из чиновничьего сословия, славилась добродетелью и мудростью. За двадцать лет в доме Лу никто не видел, чтобы она с кем-то ссорилась. Даже наказывая провинившихся слуг, она оставалась мягкой и никогда не придиралась.

— Ты всё еще не говоришь правду! — Лу Чжэн снова был готов взорваться. Он был воином, прошел через поля сражений и убийства. Его обычного взгляда было достаточно, чтобы люди дрожали, не говоря уже о крике.

Лу Сянь кивнула и вышла из зала.

Цин Юй тихо сказала:

— Раз уж вернулись, не стоит спешить.

Семья Лу была потомственными военными. Лу Чжэн в юности сопровождал отца в походе против западных варваров. Когда их окружили и шансов на спасение почти не было, он проявил невероятное мастерство, прорубил путь к отступлению и принес голову вражеского вождя, прославившись еще подростком. Позже, когда на границе стало беспокойно, он раз за разом одерживал победы, пока не разбил захватчиков в пух и прах. Когда границы были укреплены, он вернулся в столицу и был пожалован титулом маркиза Сюаньпина.

— Дочь приветствует отца.

В отличие от других знатных домов Цзинду, заслуги Лу Чжэна были реальными. Его нынешнее положение, слава и почести — всё это было заработано им самим, а не получено по наследству. Поэтому в Цзинду, где полным-полно вельмож, никто не смел оспаривать первенство поместья маркиза Сюаньпина.

— Хм.

Он помедлил, затем добавил:

— Сходи и верни её обратно.

Лу Чжэн, которого жена удерживала за рукав, проглотил готовые сорваться с языка ругательства и сердито оттолкнул руку Юэ-ши:

— Чего ты меня держишь?! Я что, собираюсь съесть твою драгоценную дочь?

Сказав это, он широкими шагами вошел в главный зал.

— Ты... ты правда забрала Мин Юй? — Юэ-ши, в отличие от мужа, говорила мягко. Каждый раз, когда отец и дочь ссорились, именно она выступала миротворцем.

— Нет...

Более того, многие нынешние гражданские чиновники были недовольны правом наследования титулов, и императорский двор стремился ослабить влияние знати. Те, кто не имел собственных заслуг и жил лишь за счет предков, постепенно лишались привилегий. В таких условиях значимость семьи маркиза Сюаньпина лишь росла, и даже члены императорской семьи относились к ним с уважением.

— Ты что такое говоришь?! — Юэ-ши поспешно хлопнула его по руке.

Лу Чжэн на мгновение замер, растерянность промелькнула на его лице, но он быстро взял себя в руки:

— Разве я не прав?

Супруги молчали, глядя друг на друга. Спустя мгновение:

— Тебе не стоило так говорить. Мин Юй — человек, которого я выбрала для неё. Она заботилась о ней с двух лет, служила всей душой. Вспомни, когда Сянь-эр тяжело болела, Мин Юй три дня и три ночи не смыкала глаз, вытащив её с того света. Сянь-эр благодарна ей, привязана к ней, она считает её старшей сестрой. А когда семья Ши прислала сватов, ты же видел, как Сянь-эр противилась? Она днями сидела взаперти. Если бы тот книжник не кланялся в ноги, она бы ни за что не позволила ей уйти...

— Эх, — Юэ-ши вздохнула. — Что уж говорить, даже ты не был в восторге от того книжника. Я думала, он просто беден, а приданого, что дала Сянь-эр, хватит. Кто бы мог подумать, что он окажется таким недолговечным... Сын умер, а они винят Мин Юй! Её ежедневно истязала свекровь, на теле живого места не было. Как Сянь-эр могла это стерпеть? То, что она поехала и забрала её — это еще что! Ты должен благодарить небо, что она не перебила всю семью Ши!

— Ну что ты такое говоришь... Я что, должен её хвалить? Ладно, что теперь делать? Она уже была замужем, а теперь... она губит собственную репутацию.

Юэ-ши нахмурилась:

— Не спеши. Я сама поговорю с Сянь-эр. Сегодня больше не попрекай её. Она с таким трудом согласилась вернуться из сада Сяньюань, если мы начнем шуметь, она снова может пропасть из дома надолго.

Цин Ши и Цин Юй помогли Лу Сянь переодеться. Вместо темно-красного халата на ней теперь был темно-синий бейцзы с вышитым на спине белым журавлем. Она выглядела изящно и легко, что очень подходило её холодной, отстраненной натуре.

— Наверное, это управляющий Ван и остальные устроили забастовку, вот семья Ши и засуетилась.

Лу Сянь не была глупой: в приданое Мин Юй, помимо серебра, входили поля и лавки, которыми управляли её доверенные люди. После смерти мужа Мин Юй, когда та подвергалась издевательствам, Лу Сянь приказала Цин Юй передать приказ: доходы от лавок и полей искусственно занижать. Семья Ши привыкла жить на широкую ногу и ничего не смыслила в делах. Не прошло и полмесяца, как они оказались в долгах. Несколько дней назад кредиторы пришли требовать деньги, и управляющий Ван просто бросил им кучу нерешенных проблем.

— Они возомнили себя хитрецами, думали, что будут жить на всё готовое? Считают других дураками, — возмущенно сказала Цин Ши. — Я с самого начала видела, что эта старуха Ши — негодяйка. Тратила приданое невестки, наряжалась, строила из себя госпожу, покупала трехэтажный дом, даже глазом не моргнув! А её дети? Брат умер, а им хоть бы что: один в квартале Канлэ развлекается, другая всё пытается пробиться в круги знатных дам. Мне так жаль сестрицу Мин Юй!

Цин Ши была вспыльчивой и говорила прямо:

— Такой хороший человек, а теперь вынуждена... Знала бы она раньше, лучше бы вообще не...

— Цин Ши!

Цин Юй одернула её. Хотя она не договорила, все понимали, что она имеет в виду.

— Да, если бы знать заранее, лучше было бы не выходить замуж, — тихо сказала Лу Сянь. В её глазах промелькнула грусть. Она задавала себе этот вопрос тысячи раз, но в этом мире не существует лекарства от сожалений.

— Госпожа... служанка... я не это имела в виду...

— Я знаю, — Лу Сянь приподняла бровь, и тень печали исчезла. — Передай управляющему Вану, что он всё сделал правильно. Когда всё уладится, прибавь ему жалование.

— Слушаюсь.

В дверь постучали — это была Юэ-ши.

Все, кто был в комнате, поклонились и вышли.

— Матушка. — Лу Сянь поднялась и почтительно поклонилась.

— Садись, садись. Мы здесь свои, к чему такие формальности.

Юэ-ши была доброй, и наедине с ней Лу Сянь чувствовала себя свободнее.

— Матушка, у вас что-то случилось?

— Ох ты, ребенок, неужели мне обязательно нужно иметь дело, чтобы прийти к тебе? — Юэ-ши погладила её по черным волосам и усадила рядом на кушетку. — Злишься на отца?

— Нет.

— Я высказала ему всё. Его старые консервативные речи мне самой не по душе. Но не вини его, он беспокоится о тебе, о твоей репутации, — сказала Юэ-ши. — Мин Юй хоть и была твоей личной служанкой, когда-то она была и в моих покоях. Я люблю её не меньше твоего...

— Матушка, вы не вините меня? — Лу Сянь уловила подтекст.

— За что тебя винить? Ты заступилась за неё, и это правильно. Даже если бы ты не сделала этого, я бы не осталась в стороне. Просто тебе следовало посоветоваться с нами. Свекровь Мин Юй подала жалобу в управу, плакала и кричала, что ты похитила её невестку. Но не волнуйся, твой отец уже попросил чиновника Чжэна замять это дело. Не сочти меня занудой, но я должна сказать... как ты могла пойти к ним домой и забрать её? Если уж забирать, то по дороге. Ты же знаешь, какая она скандалистка...

Лу Сянь едва заметно дернула бровью.

— Матушка...

— Да?

— Я не ходила в дом семьи Ши, чтобы забрать её. Я перехватила её по дороге.

— Тогда почему эта старуха говорит, что это была ты?

— Я заходила к ним, но не забирать её, а предупредить. А Мин Юй я забрала позже, когда она вышла из дома сжигать бумажные деньги.

Юэ-ши всё поняла:

— Эта старая карга, посмела солгать властям.

— Матушка, если вы действительно хотите мне помочь, не вмешивайтесь в это дело.

— Что ты задумала? Не делай глупостей! Она всё-таки свекровь Мин Юй.

— Дочь знает, я не буду делать глупостей.

В этот момент послышался звон колокольчиков и звонкий голосок:

— Сестренка!

Вбежала девочка с причёской-бутоном, в розовой плиссированной юбке. Её круглое лицо сияло, в левой руке она держала колокольчик из ракушек, правой приподнимала подол.

Лу Шуяо, младшая сестра Лу Сянь, вторая барышня поместья маркиза Сюаньпина, которой в прошлом месяце исполнилось десять лет.

— О, матушка тоже здесь.

— Куда ты бежишь? Непоседа... — Юэ-ши бросила на неё строгий взгляд. — Ой... посмотри, что у тебя на рукаве? Грязь какая...

Лу Шуяо озорно высунула язык и подбежала к Лу Сянь, подняв колокольчик:

— Сестренка, ты в прошлый раз принесла мне ракушки, я их нанизала, послушай, как красиво

звучит!

Ракушки зазвенели — звук был нежным и чистым. Лу Сянь с любовью потрепала сестру по голове, краем глаза заметив улыбку матери — ту самую, в которой сквозила и строгость, и безграничная любовь.

Возвращаясь к семье Линь: Линь Сьюань после вспышки ярости семь или восемь дней ночевал в комнате наложницы. Линь Ляоляо считала, что это стоит того: её ноги болели от мази всего один вечер, а за это она получила столько дней спокойствия. Даже если считать проценты, она осталась в выигрыше.

Старая госпожа Линь воспользовалась моментом, приказала нянюшке Тао выгнать нескольких самых наглых слуг, а на их место на собственные деньги наняла новых. Из них она выбрала самых смышленных и отправила часть в двор Цзиньлань, а часть — к пятой барышне. Жалование этим слугам платилось не из общей казны, а напрямую от старой госпожи, так что теперь ни Ци Янь, ни Лю Хуэй не могли просто так вмешаться.

Двор Цзиньлань теперь выглядел по-новому, и без этих назойливых глаз Линь Ляоляо жила очень вольготно.

— Леденцы на палочке —

Услышав крик разносчика за стеной, Линь Ляоляо почувствовала, как проснулся аппетит. Она бросила кисть и выбежала из дома:

— Быстрее, ставьте лестницу! Ставьте лестницу!

Найти в поместье барышню, которая лазает по стенам в юбке, кроме Линь Ляоляо, было невозможно.

— Барышня, осторожнее! — Цзыжоу боялась высоты, она дрожала, поднимаясь, и в конце концов Линь Ляоляо пришлось её поддерживать. Опершись о стену, Цзыжоу чувствовала, как у неё подкашиваются ноги.

Разносчик был хромым стариком. Увидев покупателей, он поспешно повернул назад:

— Барышня, возьмите палочку, собственного приготовления, обещаю — кисло-сладкие.

Старик был одет в лохмотья, во многих местах виднелись заплатки. Особенно то, как он старательно пытался продать свой товар, боясь, что у него ничего не купят, вызывало жалость. Он услужливо добавил:

— Раз так... откройте мне торговлю, я вам еще одну палочку в подарок дам.

На улице было холодно, ветер свистел в ушах. Линь Ляоляо спрятала руки в рукава:

— Сколько стоит одна?

— Одна монета.

Спустя мгновение...

Цзыжоу несла связку леденцов и, наклонив голову, смотрела на них:

— Барышня, мы столько съедим?

— Почему не съедим? Их тут не так много, потом во дворе раздадим всем по одной.

Сахар был сладким, а ягоды — кислыми, старик не обманул.

Линь Ляоляо случайно взглянула на дом в конце улицы, у входа в который собралась толпа:

— Что там происходит?

— Не знаю.

— Пойдем, посмотрим.

— ...

Цзыжоу было неудобно пробираться сквозь толпу со связкой леденцов, и она могла лишь смотреть, как её госпожа протискивается в гущу людей:

— Барышня... барышня...

Она металась в нерешительности, а Линь Ляоляо чувствовала себя спокойно. Она тронула женщину, которая тоже глазела на происходящее:

— Что случилось?

Женщина, видимо, никогда не видела таких любопытных барышень, даже опешила:

— Долги не вернули, кредиторы подали в суд, чиновники из управы сейчас проводят опись. Думаю, дом точно конфискуют. Трехэтажный дом стоит не меньше тысячи лянов!

— И не только! Мебель, вещи, слуги — всё вместе потянет еще на столько же!

— В этот раз старухе Ши точно конец!

— По-моему — поделом!

Люди переговаривались, и Линь Ляоляо загорелась интересом. Она только хотела спросить, кто такая старуха Ши, как из ярко-красных ворот донесся вопль:

— Нельзя забирать!

— Это ваза, которую я только что купила!

— Ой-ой-ой! Вы просто грабители!

Вслед за старухой Ши выбежали её второй сын и младшая дочь:

— Я ученый, у меня есть звание, вы... вы не можете так поступать... — кричал мужчина.

Чиновник лишь усмехнулся:

— Ну и что, что ученый? Даже если ты чжуаньюань, долги надо возвращать!

— Ты...

— Второй брат, ты что, не видишь? Кто-то специально хочет нас погубить! — плакала младшая дочь старухи Ши. — Это... это точно та самая Лу...

Она не успела договорить, как чиновник бросил на неё свирепый взгляд и выхватил саблю, которая зловеще блеснула на солнце:

— Еще раз вякнешь — сгниешь в тюрьме!

Видя, как дом пустеет, а на двери вешают печати, старуха Ши обмякла и повалилась на землю:

— Слушай, старуха Ши, а ведь первая невестка была хороша, пока она была, вы ни в чем не нуждались.

— Это точно. Я же говорила, что Мин Юй — хороший человек, а вы всё твердили, что она прокляла вашего сына, били её, ругали. Теперь, когда она ушла, вам стало еще хуже...

— Если бы вы относились к ней по-человечески, до такого бы не дошло. Кто пожинает зло, тот и погибает от него!

Старуха Ши была в ярости:

— Тьфу! Она была просто мусором! Прокляла моего сына, я...

Вдруг рот старухи Ши застыл в немом крике: «А-а-а...»

— Мама, что с вами?

— Мама, не пугайте нас...

Двое никчемных детей поспешили к ней, но в ответ получили лишь насмешки толпы.

За стеной людей стояла темно-красная карета. Человек внутри слегка опустил занавеску:

— Поехали.

— Слушаюсь.

Цин Ши раскусила ягоду боярышника и выплюнула косточку.

Досмотрев представление, Линь Ляоляо выбралась из толпы:

— Барышня, вы наконец-то вышли, — Цзыжоу выглядела комично со связкой леденцов. — Я... я только что встретила странного человека!

— Обидел тебя?!

— Нет, нет, — Цзыжоу поспешно покачала головой и раскрыла ладонь. — Барышня, смотрите...

На ладони лежала серебряная монета. — Тот человек купил у меня леденец, я хотела подарить, а он не взял, просто дал серебро.

— Сколько она купила?

— Всего один.

Цзыжоу обернулась:

— Эй? А где карета? Только что здесь была...

Прошло три дня, и внезапно пошел мелкий снег, возвещаая приход ранней зимы и приезд наставника Лу из Цинчжоу.

Старая госпожа приказала барышням выйти в город, якобы за бумагой и кистями, а на деле — чтобы они развеялись. В конце концов, даже самый большой дом — это клетка, а снаружи мир интереснее.

В хвастовстве богатством никто не мог сравниться с Линь Цзиньшу. Семья её матери владела винокурнями, и помимо собственного приданого она постоянно получала подпитку из дома. Линь Цзиньшу была горда, держалась прямо, шла, словно она была единственной законной старшей дочерью в поместье Линь.

Линь Ляоляо было лень обращать внимание на эти детские замашки. Хочет идти впереди — пусть идет, всё равно денег на дороге не валяется.

Она замедлила шаг, улыбнулась идущим позади Линь Цзиньлань и Линь Цзиньюэ, а затем поравнялась с Линь Цзиньчжэнь.

Руки Линь Цзиньчжэнь почти зажили, но следы всё ещё оставались — густые и пугающие. Она, вероятно, сама знала, как это выглядит, поэтому тщательно прятала руки в накидке. Увидев Линь Ляоляо, она поспешно спрятала их ещё глубже.

Линь Ляоляо заметила её осторожность и изменила то, что собиралась сказать:

— Всё пройдет.

Линь Цзиньчжэнь замерла и посмотрела в мягкие глаза Линь Ляоляо.

— В обычном случае, самое большее через три месяца все следы исчезнут.

— Спа... спасибо, старшая сестренка.

— Ты уже много раз сказала спасибо, в будущем можешь не благодарить.

Хотя она так сказала, Линь Цзиньчжэнь, кроме благодарности, ничего не могла вымолвить. Линь Ляоляо не давила на неё. В конце концов, человек, который долгое время был подавлен, не может вмиг стать жизнерадостным. То, что она сделала сейчас, было лишь попыткой немного помочь ей, чтобы она почувствовала, что ночь не будет длиться вечно.

Они шли вместе, но через пол-улицы разделились.

Линь Цзиньшу направилась напрямик в лавку «Люсин Бао». Она твердо решила купить все модные украшения сезона. За ней следовали две служанки, нагруженные вещами.

Такая роскошь была не всем по карману. Линь Цзиньлань и Линь Цзиньюэ, взглянув на это,

отправились в лавку косметики — раз нельзя купить украшения, то пудра и румяна тоже сойдут.

— Сестренка, смотри.

Линь Цзиньлань проследила за взглядом Линь Цзиньюэ:

— Они так поладили.

— Раньше старшая сестра ни с кем не общалась, что это с ней?

— Кто знает, может, две несчастные души сошлись в своем горе. — Линь Цзиньлань потянула сестру за собой. — Матушка говорила, меньше лезь в дела старшей ветви.

— О, поняла.

По пути только Линь Цзиньчжэнь серьезно выбирала бумагу и кисти. Она боялась, что, заговорив, выдаст свое заикание, поэтому просто указывала пальцем, прося продавца показать то одно, то другое.

Линь Ляоляо стояла рядом и наблюдала. На самом деле, Линь Цзиньчжэнь была довольно красива, её черты лица на восемь частей напоминали наложницу Чжао. Но она постоянно сутулилась, сжимала плечи, отчего казалась слабой. К тому же, в удушающей атмосфере поместья Линь она привыкла считать себя хуже других.

— Ты хочешь учиться?

Не дожидаясь реакции Линь Цзиньчжэнь, Цзыжоу втихаря дернула госпожу за рукав.

Линь Ляоляо не обратила внимания, выдернула рукав и продолжила:

— Я спрашиваю только один раз: хочешь ли ты учиться? Если да — скажи бабушке, она поможет. Если нет — считай, что я ничего не говорила.

— Впрочем... ты ведь хочешь учиться, верно? Ты тоже дочь семьи Линь. То, что ты говоришь медленно, не значит, что ты не можешь учиться. К тому же... ты думаешь, что если будешь терпеть, то тебя перестанут обижать? Человек должен жить с достоинством, не так ли?

Сказав всё, она, не дожидаясь ответа, зашагала прочь.

В семье Линь в Сулине нанимали частных учителей. После переезда в Цзинду в Гоцзыцзяни появились места для обучения. Однако для поступления туда требовался определенный статус

— не ниже шестого чина. У семьи Линь такого статуса не было. Но в первой половине года произошел скандал: сын бедняка умер на коленях перед воротами Гоцзыцзяни, требуя образования. Император был в ярости, наказал нескольких чиновников и издал указ: двери открыты для всех, вне зависимости от происхождения, лишь бы было стремление к знаниям.

Линь Сьюань первым уловил тонкость: в Гоцзыцзяни учились дети влиятельных особ. Если удастся наладить связи, карьерный рост обеспечен. Обучение детей было делом хорошим, но когда начали считать головы, пятую барышню забыли. Линь Сьюань считал её позором, боялся, что о нем будут говорить как об отце заикающейся дочери. Линь Цзиньшу тоже молчала, поэтому все автоматически исключили её из списка.

Цзыжоу догнала госпожу и спросила:

— Барышня, то, что вы сказали, сработает? Разве наложница Чжао не просила господина?

— Просьба наложницы Чжао и просьба пятой сестры — разные вещи. И как можно просить об этом отца? Он только рад, если она никуда не выйдет.

— А пойдет ли пятая барышня к старой госпоже? Мне кажется, это вряд ли...

— Посмотрим. У матушки Вэй есть верное слово: я не смогу помогать ей всю жизнь, — Линь Ляоляо не удержалась и оглянулась. — Надеюсь, её гордость еще не стерта в порошок.

Не успела она договорить, как Линь Ляоляо подняла голову и принялась:

— Что это за запах?

Цзыжоу была одного поля ягода с ней, а нос у неё оказался даже острее.

— Барышня, это только что из печи, пирожные с красными финиками!

Два «собачьих носа», учуяв аромат, потянули своих хозяек напрямик к лавке. Серебро, припасенное на покупку бумаги и кистей, тут же нашло себе иное применение.

— Госпожа, пришла барышня Баои, — Цин Юй отошла в сторону, приглашая гостью войти.

Баои была лучшей певицей в квартале Канлэ. Когда Лу Сянь впервые встретила её, ту только продали родители. К счастью, в их сердцах нашлась капля совести: в купчей значилось, что девушка остается чистой артисткой, а по истечении трех лет получит свободу.

Но разве в таких притонах бывает понятие чистоты? Хозяйка заведения не привыкла работать в убыток и давно выстроила свои коварные планы. С виду тебе обещают статус певицы, не торгующей телом, но не пройдет и полугода, как в ход пойдут угрозы и соблазны, чтобы сломить твою волю. К тому моменту, когда три года истекут, даже если тебе предложат уйти, ты уже не сможешь этого сделать.

Лу Сянь любила слушать музыку, поэтому, едва взглянув на девушку, выкупила её время. С тех

пор Баои пела только для неё. Оставалось всего три месяца до того, как Баои обретет свободу.

— Барышня, что изволите послушать сегодня?

Баои, прижимая к груди лютню-жуань, выглядела утонченно и свежо в своем халате с широкими рукавами из туманного шелка. На ней не было лишних украшений, лишь простая глиняная заколка в высокой причёске.

— Как знаешь.

Лу Сянь указала пальцем на ту самую заколку:

— Почему ты всё время носишь её? В лавке Люсин полно новинок, сходи завтра, выбери что-нибудь получше.

Баои покачала головой:

— Эту заколку подарили мне вы, барышня. Она мне милее всех.

— Я подарила?

— Не только подарили, вы сами вкололи её мне в волосы.

— Правда? Совсем не помню.

— Ничего, главное, что я помню.

Зазвучала мелодия. Лу Сянь, прислонившись к окну, лениво смотрела наружу, как вдруг её взгляд замер. Это она.

— Баои.

— Да, барышня?

— Возвращайся пока.

Лу Сянь быстро вышла из комнаты. Цин Ши и Цин Юй, дежурившие у дверей, остолбенели: обычно госпожа проводила здесь полдня, а сегодня не прошло и часа.

— Госпожа, вы...

— Я прогуляюсь, не нужно за мной ходить. Проводите Баои обратно, а я сама вернусь в поместье позже.

Баои, чьи пальцы замерли на струнах, пришла в себя только после того, как Цин Ши и Цин Юй вошли в комнату. Она стояла у окна, погруженная в свои мысли.

Две маленькие сладкоежки, оказавшись в лавке, не могли ограничиться одними только пирожными с финиками — конечно, нужно было взять всего понемногу!

— Барышня, мы всё это съедим?

— Еще бы! — Линь Ляоляо указала на печенье в форме кролика. — Вот этих я могу съесть три штуки!

— Если вы съедите три, то я — две!

Они весело болтали, как вдруг Линь Ляоляо хлопнула себя по поясу, и лицо её мгновенно изменилось:

— Где мой кошель?

— Что?

Линь Ляоляо выскочила из лавки и завертела головой:

— Это наверняка тот человек, что толкнул меня!

На улице было полно народу, она даже не успела разглядеть вора. В какую бы эпоху ты ни попал, остаться без кошелька — это просто отвратительно.

— Цзыжоу, пирожные отменяются.

— Ничего страшного, потом поедим, не такие уж они и вкусные.

— Да нет, дело не в этом... кошель... ох, ладно.

Линь Ляоляо, понутив голову, развернулась, чтобы уйти.

— Что, потеряла что-то? — Лу Сянь появилась словно из ниоткуда, подбрасывая в руке какой-то предмет. — Это твоё?

Она пристально смотрела на Линь Ляоляо, и уголки её губ едва заметно дрогнули в улыбке. Линь Ляоляо застыла, глядя на неё во все глаза.

— Это кошель моей барышни! — Цзыжоу подбежала ближе, указывая на узор. — Я сама его вышивала!

— Благодарю, барышня.

Лу Сянь вдруг отвела руку, в её глазах мелькнул насмешливый огонек:

— Стежки не такие уж редкие. Ты говоришь, что он твой, а кто-то другой может сказать, что его. Если только... твоя барышня не скажет, что именно внутри?

— Что внутри... — Цзыжоу склонила голову. — Барышня, вы же положили туда несколько серебряных кусочков? Я помню, там еще было семь или восемь медных монет.

— Верно? — спросила Лу Сянь.

Линь Ляоляо начала ковырять ногти, её лицо приняло крайне неестественное выражение.

— Неважно, откроем и посмотрим.

Лу Сянь улыбнулась и легким движением развязала узел. Первым, что показалось из кошель, были не монеты, а белый шелковый платок.

Конец.

Линь Ляоляо прикусила губу, её белые щеки вспыхнули, словно кипятик. Ну надо же было так вляпаться! Теперь она наверняка подумает, что я какая-то извращенка!

Лу Сянь даже не стала разворачивать платок — одного взгляда хватило, чтобы понять, что это её вещь. Тончайший шелк из Западного края, дар императорского двора — в Цзинду второго такого не найти.

— Это... тоже твоё?

Цзыжоу, стоявшая рядом, уставилась на платок. Барышня не любила носить платки, у неё их было всего несколько, и этого она никогда раньше не видела.

— Барышня, это ваш?

— Я... я его нашла.

— Барышня, зачем вам подбирать чужие платки?

— Я... я...

Кто знает зачем? Она просто подобрала его. С трудом выдавив из себя два слова:

— Красивый.

Лу Сянь не стала её мучить и молча запихнула платок обратно.

— Я проверила, это твоё.

— Я же говорила, что это принадлежит моей барышне! — Цзыжоу потянулась за кошель, но Лу Сянь не отдала его, а шагнула прямо к Линь Ляоляо:

— Держи.

В храме было темно, и при свете свечей лица не разглядеть, а теперь, стоя лицом к лицу, Линь Ляоляо заметила, что незнакомка прекрасна, как нефрит, стройна, как сосна, а её темные глаза блестят, словно пытаюсь заглянуть в самую душу. Сердце Линь Ляоляо заколотилось, как барабан, а едва уловимый аромат сандала заставил дыхание перехватить.

Они смотрели друг на друга, не в силах отвести взгляд.

Сцена казалась до боли знакомой. Лу Сянь слегка нахмурилась:

— Мы не встречались раньше?

— ...

— Кроме храма. Где-то еще?

Линь Ляоляо, улучив момент, выхватила кошель:

— Нет! Я вас не знаю! — выпалила она и, потянув за собой Цзыжоу, поспешила прочь из лавки.

— Эй! А пирожные? — крикнул вслед приказчик.

Лу Сянь бросила на прилавок серебро, взяла одно пирожное и откусила кусочек.

— Всё упакуйте и отправьте в поместье Линь на переулке Юнъань. Передайте, что это для старшей барышни Линь.

Она отряхнула пальцы, и в её глазах вспыхнула искра:

Они точно встречались. Но где?

Цзыжоу, которую Линь Ляоляо тащила за собой два ли, наконец взмолилась:

— Барышня, не бегите, я больше не могу!

Линь Ляоляо остановилась и подняла голову: они уже добежали до дома.

— Барышня, почему вы бежали?

Линь Ляоляо задумалась. И правда, почему? И тут её осенило:

— Постой.

— Что такое?

— Мой кошель ведь украл вор, так почему он оказался у неё?

Цзыжоу тоже опешила: они были так рады находке, что не подумали об этом.

— Она заодно с тем вором? Нет, не может быть... Если они сообщники, зачем возвращать?

Она вдруг ахнула:

— Я поняла! Она работоторговец!

Линь Ляоляо закатила глаза:

— Ты слишком плохо о ней думаешь. Разве бывают... такие красивые работоторговцы?

— А?

— Ой, не спрашивай. Она точно не плохой человек.

Как только было произнесено это «не плохой человек», приехал приказчик из лавки. Да не просто приехал, а привез целую тележку!

— Барышня, ваши сладости.

— Я вроде бы не заказывала столько...

— Та барышня из лавки всё оплатила и велела доставить вам, — приказчик закатал рукава. —

Куда заносить?

Коробки с пирожными высились горой. Цзыжоу была в шоке:

— Барышня, вы уверены, что она не работоторговец?

— Успокойся, она не из таких.

— Тогда кто она?

— Богатая... и очень скучающая.

Оставшись одна, Линь Ляоляо выпрямилась перед зеркалом и погрозила себе пальцем:

— Предупреждаю тебя, Линь Ляоляо, не смей терять голову из-за красоты! Мало тебе было бед? Вспомни своего бывшего, который обобрал тебя до нитки! Вспомни ту ночь в храме, какая она была свирепая — чуть что, сразу за нож, сразу поджигать! Лу Сянь... имя звучит опасно. К тому же, ты здесь ненадолго, не стоит разбрасываться чувствами. А если она влюбится в тебя до смерти? Нельзя же так жестоко ранить сердце девушки, тем более такой красавицы...

Линь Ляоляо не выдержала и прыснула со смеху, а потом сама себя шлепнула по губам:

— Бесстыдница! Лу Сянь еще даже не совершеннолетняя...

— Хотя, это же древность, четырнадцать-пятнадцать лет — это уже не рано...

— Тьфу, тьфу, тьфу! Очнись! Я не собираюсь влюбляться в малолетку...

— Хотя... выглядит она совсем не маленькой. И такая... притягательная.

Линь Ляоляо проглотила кусочек печенья, и оно показалось ей еще вкуснее, чем прежде.

<http://bllate.org/book/18628/1793587>